

ПОНИМАНИЕ СВОЕГО МАНЕВРА ПРИ ОБУЧЕНИИ ВОЙСКЪ.

I. Подготовка частей.

«Каждый воинъ долженъ понимать свой маневръ»... Трудно себѣ представить что-либо гениальнѣе (потому и проще) этого Суворовскаго афоризма-аксіомы.

Въ этомъ отчасти психологія воина вообще и отчасти психологія его воспитанія, его боевой подготовки, потому что здѣсь опредѣляется значеніе «пониманія», т. е. разума воина, для успѣха и дается указаніе о необходимости боевой подготовки въ «пониманіи своего маневра», въ пониманіи, значитъ, своихъ дѣйствій.

Хотя этотъ афоризмъ нынѣ все болѣе и болѣе получаетъ права гражданства и положенъ будто бы въ основу подготовки нижнихъ чиновъ, но именно этотъ «маневръ» Суворова, т. е. это его поученіе, нами не вполне усвоенъ по той, вѣроятно, причинѣ, что очень ужъ онъ простъ, этотъ приѣмъ воспитанія и боевой подготовки. Мы все забываемъ, что гениальное—просто, дѣтски просто, и привыкли руководиться въ дѣлѣ воспитанія и боевой подготовки черезчуръ учеными профессорскими диссертациями, рѣ-

пеніями съѣздовъ, комиссій, научными программами, системами кабинетныхъ ученыхъ и т. п.

Нѣкоторые полагаютъ, что великій авторъ ученія о необходимости каждому воину понимать свой маневръ относилъ его только къ *нижнимъ чинамъ*, такъ какъ офицеры-де, конечно, всегда понимаютъ свой маневръ... Другіе же увѣрены, что *знать* свой маневръ значитъ и *понимать* его...

Эта маленькая ошибка и породила огромнѣйшій соблазнъ въ обученіи, воспитаніи, боевой подготовкѣ. И какъ ни бьются рѣдѣющіе ряды послѣдователей даннаго Суворовскаго ученія о пониманіи «своего маневра», все-таки отрасль боевой подготовки войскъ развивается односторонне въ томъ направленіи, которое наиболѣе отвѣчаетъ современному спросу и требованію: добиваться, главнымъ образомъ, и прежде всего «бойкихъ» отвѣтовъ (имѣя въ виду повѣрку знаній) въ угодной для даннаго начальства формѣ и по излюбленной имъ отрасли; это обыкновенно считается «пониманіемъ» и въ то же время знаніемъ.

Даже черезъ сотню лѣтъ не можетъ осилить вѣковыхъ привычекъ и обычаевъ этотъ простой выводъ геніальнаго разума Суворова, не можетъ преодолѣть и заблужденія—будто повѣрка *знаній*, т. е. экзаменъ и «шесть балловъ» за отвѣтъ, ручается за «пониманіе своего маневра», пониманіе своихъ дѣйствій, пониманіе своей службы.

Навѣрно вамъ, читатель, не разъ случалось ловить самого себя на неуясненіи себѣ смысла того, чего требуете отъ другихъ, чему учите, какъ воспитываете, какъ подготавливаете воина, короче—на неуясненіи себѣ вполнѣ своего маневра.

Военная служба, военное дѣло требуютъ развитія у каждаго воина пытливости ума и внимательности (не нужно объяснять огромнаго значенія на войнѣ внимательности воиновъ ко всему окружающему и пытливости ума), а потому забивать эту внимательность и пытливость ума заучиваніемъ готовыхъ объясненій и боязнью отвлечь свое вниманіе и пытливость ума не туда, куда гнетъ «учитель» или инспектирующій знанія», именно есть феноменальное непониманіе своего маневра—по боевой подготовкѣ воиновъ...

Мнѣ, лично, все время кажется величайшимъ компромиссомъ съ разумомъ и съ «пониманіемъ своего маневра» (въ данномъ случаѣ компромиссомъ съ пониманіемъ обученія воиновъ) будто формы краткихъ отвѣтовъ въ пособіяхъ направлены къ пониманію

«службы; напр., будто опредѣленіе дисциплины: «слушайся приказаній начальника, а что противъ присяги—не слушайся»—*понятны* полного опредѣленія дисциплины по ст. 1 Дисц. Устава: «Воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи правилъ, предписанныхъ военными законами. Поэтому она обязываетъ точно и непрекословно исполнять приказанія начальства...». Вообще уставное опредѣленіе дисциплины полно и «точно» и перечисляетъ не одинъ только признакъ этой дисциплины—«точно и непрекословно *исполнять* (а не только слушаться, что, конечно, далеко не одно и то же, такъ какъ можно слушаться, но не исполнять точно и непрекословно) приказанія начальства», но и другіе, въ высшей степени существенные признаки дисциплины: «строго соблюдать чинопочитаніе», сохранять во ввѣренной командѣ порядокъ, добросовѣстно исполнять обязанности службы и не оставлять упущеній подчиненныхъ безъ взысканій.

Неисполненіе каждаго изъ этихъ признаковъ предусмотрено и карается «военными законами» (кн. XXII; напр. нарушеніе чинопочитанія 96 и дальнѣйшими статьями; каждый признакъ тамъ имѣетъ свои статьи).

Какъ Божій свѣтъ ясно, что, не объяснивъ новобранцамъ, что, напр., «не оставлять простунковъ и упущеній подчиненныхъ безъ взысканія»—есть необходимѣйшее требованіе дисциплины, какъ выраженіе особенностей воинской службы,—нельзя надѣяться, чтобы новобранецъ уяснилъ себѣ необходимость строжайшаго, точнѣйшаго и непрекословнаго исполненія этихъ признаковъ воинской дисциплины, т. е. «правилъ, предписанныхъ военными законами».

Не только у новобранцевъ, но и у большинства офицеровъ, спутывались совершенно понятія о дисциплинѣ этимъ «слушайся начальства, а что противъ Государя или присяги—не слушай». Большинство офицеровъ путалось въ объясненіяхъ новобранцамъ, что такое, «противъ Государя или присяги». Между тѣмъ ст. 2 Дисц. Уст. и 69 ст. Воинск. Уст. о нак. ясно и «точно» опредѣляютъ въ какихъ именно случаяхъ подчиненные не освобождаются отъ судебной отвѣтственности при исполненіи приказаній начальства.

Эти указанія опять-таки точны, опредѣленны, даютъ дѣйствительное «пониманіе» тѣхъ случаевъ, когда исполненіе приказанія влечетъ за собою отвѣтственность.

Указаніе же неопредѣленное: «а противъ Государя (или при-

сяги) — не слушай», убійственно дѣйствуетъ на психологію новобранца и вообще подчиненнаго, заставляя его всегда коситься на приказанія начальниковъ. Это невольно наводитъ его на мысль, что не даромъ же его съ самаго начала предостерегаютъ, чтобы онъ не исполнялъ приказаній начальниковъ, направленныхъ противъ присяги!... Значить это бываетъ... Необходимо, значить, быть на-сторожѣ при полученіи приказаній, необходимо разбираться въ нихъ... «Вѣдь начальники же хитрѣе насъ и отдадутъ приказаніе какъ будто невинное, а на самомъ дѣлѣ оно какъ разъ и окажется противъ присяги; вѣдь гдѣ намъ разобратъ, что противъ присяги и что не противъ...»

И вотъ, вмѣсто пониманія — что такое дисциплина, у обучаемыхъ начинается недоувѣріе къ приказаніямъ начальства, т. е. начинается подрывъ дисциплины изъ-за непониманія своего маневра обучающими и составителями такихъ пособій.

И дѣйствительно, съ величайшею скорбью приходится констатировать у насъ зачастую открытое, публичное, при подчиненныхъ выраженіе недоувѣрія и даже осужденія получаемыхъ приказовъ, приказаній, распоряженій начальства... А иногда слышатся оправданія въ необходимости исполнять «такія»... приказанія!...

Я остановился только на одномъ изъ опредѣленныхъ, яко бы безусловно «понимаемыхъ» новобранцами и вообще нижними чинами, и постарался выяснить заблужденіе — будто искусственная и даже противоестественная краткость и удачная (кажущаяся) форма отвѣта помогаютъ пониманію.

Необходимо помнитъ, что, если что-нибудь для насъ является не вполне опредѣленнымъ, то нѣтъ основаній считать это опредѣленнымъ, т. е. понятнымъ, и для стоящихъ ниже насъ по развитію.

Впрочемъ, всё эти краткія программы и пособія для обученія новобранцевъ заботятся не о пониманіи, а о *наибольше легкой формѣ опредѣленій понятій военной службы для отвѣтовъ на экзаменахъ или повѣркахъ этихъ знаній.*

Просто смѣхотворно, какъ большинство пособій для «обученія» новобранцевъ предлагаетъ обучать, вѣрнѣе заставлять, солдата громко, кратко, попятно рассказывать свои дѣйствія въ строгой послѣдовательности: «подхожу... беру... дѣлаю такъ-то и такъ-то... за то-то и то-то... происходитъ то-то и то-то...». Это смѣхотворно потому, что наивно думать — будто всякій способенъ

выражать словами, подобно писателямъ и ораторамъ, свои дѣйствія, да еще (что въ высшей степени трудно) кратко, сжато, строго послѣдовательно съ названіями всѣхъ деталей. Можно понимать, понимая дѣлать свое дѣло и — затрудняться рассказать даже порядокъ работы, а просто предложить: «вотъ я покажу какъ дѣлать...». Но можно великолѣпно, бойко отвѣтить, рассказать и... не понимать.

Во всѣхъ этихъ программахъ и пособіяхъ «для обученія для подготовки» важна не эта наивность, а чрезвычайно важно то, что всѣ эти программы и пособія характеризуютъ прочно установившуюся цѣль обученія и боевой подготовки: достиженіе не пониманія своего маневра, своихъ дѣйствій, своей службы, *а умѣнія давать опредѣленія и даже просто уснѣха въ зубрежкѣ ответовъ по опредѣленію понятій воинской жизни и быта къ словеснымъ экзаменамъ или такъ называемой провѣркѣ знаній.*

Обратите вниманіе! Провѣрка *знаній программныхъ опредѣленій понятій военной жизни и быта и краткихъ ответовъ*, яко бы характеризующихъ «пониманіе» (какъ, на примѣръ, разобранное нами опредѣленіе дисциплины); а не провѣрка просто *результатовъ*, не провѣрка именно боевой подготовки; провѣрка не способности къ попугайной болтологіи, а самого дѣла, молчаливаго, безъ словъ, безъ литературныхъ афоризмовъ, дѣла, краснорѣчиваго именно результатами, а не бойкими отвѣтами.

Увы! мы провѣряемъ знанія въ бойкихъ отвѣтахъ, а не пониманіе воиномъ своего маневра, т. е. своей службы, своего дѣла; провѣряемъ не результаты боевой подготовки... Мы только экзаменуемъ, контролируемъ занятія, забывая, что вождь, командиръ (всякій офицеръ), прежде всего не инспекторъ классовъ, не контролеръ, а именно вождь, командиръ, обязанный водить, «командовать», а для этого и воспитать, подготовить подчиненныхъ не къ отвѣтамъ по вопросникамъ, а къ пониманію своего маневра, т. е. дѣла и службы.

Изъ-за того, что личность начальника нередко заслоняетъ собой само военное дѣло и службу, мы исполняемъ требованія своего начальства и сами предъявляемъ *свои* требованія подчиненнымъ, часто совершенно не понимая этого своего маневра...

Но какъ же мы можемъ выучить новобранцевъ понимать «требованія военной службы», когда мы сами ихъ не всегда понимаемъ?... Кто-то не въ добрый часъ заявилъ одобреніе тѣмъ, кто умѣетъ предъявлять *свои* требованія и настоять на ихъ исполне-

ніи... И вотъ посыпались «мои требованія», часто непонятныя даже самому автору, не только окружающимъ... Сыплются и теперь, какъ будто для упражненій въ безпрекословномъ исполненіи «требованій», не противорѣчащихъ явно присягѣ, хотя явно во вредъ службѣ (тогда какъ, по ученію Суворова, «фронтировкой» не мозоль: гдѣ мозоль, тамъ и боль; не увлекайся мѣстною горячностью; ретиваго не погоняй»).

Я приведу и обратный примѣръ, когда воинъ понимаетъ свой маневръ, благодаря тому, что начальникъ «понимаетъ» свое дѣло боевой подготовки воиновъ-подчиненныхъ.

Этотъ понимающій свой маневръ — успѣшную боевую подготовку воина — будетъ передъ всякимъ приказаніемъ, предъявленіемъ требованія, всякимъ исполненіемъ, *объяснять* цѣль и тогда, конечно, обучаемый *пойметъ* какое исполненіе будетъ правильнымъ и какое неправильнымъ.

Увы! Это не всегда практикуется и потому, несмотря на долгое обученіе, даже не всѣ юнкера «понимаютъ» правильность — ну, хотя бы стойки.

А между тѣмъ надо только объяснить, что на военной службѣ и стойка, и маршировка, и весь образъ жизни имѣютъ цѣлью выработать для Царя и отечества воина здороваго, сильнаго, неутомимаго, выдержаннаго, разумнаго, понимающаго свое святое дѣло. Въ стойкѣ все разсчитано, во-первыхъ, на береженіе здоровья, для облегченія свободнаго дыханія, а, во-вторыхъ, на приученіе себя къ выдержкѣ въ любомъ положеніи и къ одновременному исполненію всѣми сразу воли одного начальника. «Попробуйте опустить голову внизъ — у васъ дыханіе станетъ труднѣе; точно также, если вы будете сутулиться. Поэтому, для здороваго дыханія, голова — высоко (но не задирать, что опять затрудняетъ дыханіе), грудь — впередъ, животъ — не выпячивать, стоять свободно, не натягиваясь и для твердости не на каблукахъ, а на носкахъ, каблуками лишь упираясь...»

Вѣрьте, что послѣ такого объясненія всѣ «поймутъ свой маневръ» и дѣло пойдетъ несравненно успѣшнѣе и быстрѣе. И такъ, во всемъ надо самому «понимать свой маневръ» и заставить «понять» подчиненныхъ. Даже съ мало подготовленными — исполненіе получается хорошее и стройное, если объяснить цѣль и возбудить этимъ интересъ, т. е. дать понять предстоящее дѣйствіе, маневръ.

У насъ же хоть и принято, какъ выражаются, «знакомить»

всѣхъ чиновъ съ маневромъ, но всегда говорятъ лишь о томъ, что «*требуютъ*» дѣлать, какъ дѣлать, а не цѣль этого требованія и самихъ дѣйствій. То же и въ обученіи: говорятъ только какъ дѣлать, какъ отвѣчать, но не добиваются пониманія.

Но предложенія всегда отвѣчаютъ спросу. Спросъ на экзамень, на отвѣты, а не на дѣйствительное, такъ сказать, внутреннее пониманіе всѣхъ своихъ дѣйствій, и—всегда будутъ готовить къ экзаменамъ, къ бойкимъ отвѣтамъ, ради приказа, ради полученія награды за три года подъ рядъ найденнаго «отличнаго» порядка приказами по дивизіи...

Эти вѣчные школьные экзамены, эти 50-ти кратныя повѣрки «знаній» и «обученія»... Надо только глубже вдуматься, чтобы понять ихъ ненормальность и ихъ зло. Если бы еще они производились по-германски, т. е. съ признаніемъ авторитета подчиненныхъ въ ихъ непосредственномъ дѣлѣ!

Но мы не хотимъ понять этого маневра. Не задумываемся, не останавливаемся на немъ. Мы, вмѣсто воиновъ, готовимъ чувствительныхъ, послушныхъ, безвольныхъ, безропотныхъ институтокъ и гордимся, и хвалимся тѣмъ, что достигли яко бы высшей дисциплинированности (на самомъ дѣлѣ заботности).

Не будучи подготовленными, не будучи въ состояніи объяснить солдату цѣль и назначеніе службы, убѣдить его, заставить «понимать его служебный маневръ», какъ это сдѣлалъ Суворовъ своей «наукой побѣждать»,—мы стали проповѣдывать, что воинамъ въ нижнихъ чинахъ ума (пониманія, сознанія)—не нужно. Нужно только безпрекословное (пассивное) исполненіе; за него подумаетъ начальство. Умъ будто только прекословить...

Забыли, что разъ что понято, то усвоено и принято къ исполненію, такъ какъ умъ есть высшій возбудитель воли: понялъ, благодаря «понятному», разумному, объясненію, смыслъ, службы, ея необходимость, святость назначенія, доброжелательность всѣхъ къ моему здоровью, силѣ и развитію,—значитъ сталъ понимать свой маневръ, сталъ настоящимъ, сильнымъ, *разумнымъ* слугой Царя и отечества. Умъ сдѣлаетъ всякаго сильнѣе, возбудитъ волю согласно пониманія, т. е. въ правильномъ направленіи.

Непониманіе своего маневра особенно ярко выражается въ офицерскихъ занятіяхъ, которыя во многихъ мѣстахъ ведутся у насъ совершенно ненормально.

Какъ рѣдко офицеръ въ разговорѣ высказываетъ удовлетворе-

ніе продуктивною и безусловною пользою затраты своего времени на офицерскія занятія въ своей части!

Какъ часто онъ идетъ на офицерскія занятія или съ чувствомъ обреченнаго на закланіе (при повѣркѣ занятій; экзаменахъ молодыхъ офицеровъ), или съ чувствомъ необходимости исполнить тяжелый и непріятный долгъ службы, принести жертву своимъ временемъ во имя блага родины...

Не трудно найти причины ненормальности принятаго порядка веденія офицерскихъ занятій, если только задать себѣ самый простой вопросъ: какая цѣль, какая идея этихъ занятій, какихъ конечныхъ результатовъ мы добиваемся?

Если бы мы уяснили себѣ этотъ свой маневръ, ясно, что тогда и нашли бы прямую, правильную дорогу къ этой цѣли.

Этому помѣшалъ, какъ мѣшаетъ всему разумному въ нашей жизни, нашъ національный психологическій недостатокъ: средство для достиженія цѣли—считать за самую цѣль.

Офицерскія занятія, имѣвшія явно другую цѣль, окоторой дальше будетъ сказано, суть только средство для достиженія этой цѣли. Но нынѣ у насъ эти занятія зачастую становятся самодовлѣющей цѣлью и нѣсколько инстанцій (даже не нѣсколько, а много) провѣряютъ—ведутся ли эти занятія и главное—ведется ли *отчетъ* о нихъ и по установленной ли формѣ, независимо отъ разницы въ военномъ самообразованіи и образованіи, развитіи, въ опытѣ, спеціальности, возрастѣ, условіяхъ службы и т. п.

Цѣль офицерскихъ занятій можетъ быть и должна быть только одна: *спеціальное военное самообразованіе*. Офицерскія занятія—лишь *средство для самообразованія*.

Средство же къ достиженію цѣли должно быть пригодно для данной цѣли, соответствовать ей или, какъ говорятъ, должно быть *цѣлесообразно*. Итолько. Но само оно никоимъ образомъ не должно стать самодовлѣющей цѣлью. Поэтому средство *можетъ быть* указывается, какъ лучшее къ достиженію цѣли, но никакъ не строго предписываемо къ точному и неуклонному исполненію по установленной формѣ во всѣхъ мельчайшихъ деталяхъ.

Такъ, давая цѣль прислугѣ—купить провизію, можно дать указаніе относительно ближайшей и удобнѣйшей дороги и мѣста покупки (средство), но бессмысленно требовать соблюденія того или другого размѣра шага, какой стороною идти, сколько шаговъ въ секунду, какой рукой держать корзину, какъ и сколько разъ махать рукой, гдѣ придерживать платье и т. п., въ особенности, если

прислуга знаетъ лучше и дорогу, и мѣсто покупки.... Безсмысленно затѣмъ, по принесеніи провизіи, наказывать прислугу за выборъ другихъ средствъ къ достиженію цѣли.

Также было бы безсмысленно, посылая отрядъ въ бой и придавая ему хоръ музыки для поднятія духа въ извѣстныхъ случаяхъ, забыть, что приданіе хора музыки есть только средство, и вообразить, что именно игра этого хора есть самодовлѣющая цѣль, а потому требовать и провѣрять—играетъ ли эта музыка въ отрядѣ, что и какъ играетъ—и устанавливать даже какія пьесы она должна играть, сколько разъ и пр.

Если офицерскія занятія и считаются нѣкоторыми *средствомъ*, а не самодовлѣющею цѣлью, то опять-таки зачастую средствомъ не къ военному самообразованію офицеровъ, а лишь къ повѣркѣ этихъ занятій высшимъ начальствомъ, къ повѣркѣ знаній офицеровъ, къ выдержанію экзамена для аттестацій.

Притомъ, у насъ въ крови—непобѣдимая страсть къ учительской дѣятельности, школьному режиму, школьной программѣ и классному порядку обученія. Школьный порядокъ, школьную (училищную) дисциплину мы привыкли считать образцовой, идеальной дисциплиной, а потому и офицерскія занятія организуемъ по школьному, заботясь прежде всего о благонаравіи, чинности, строгой степенности, соблюденіи программы точно во времени, мѣстѣ и числѣ (*обязательно съ «отмѣтками»* о каждомъ ученикѣ, о каждыхъ занятіяхъ) и строгой отчетности. Разница лишь та, что въ училищахъ, въ школахъ, съ учителей не взыскиваютъ за неуспѣхъ ихъ *юныхъ* учениковъ, а съ руководителей (начальниковъ) офицерскихъ занятій за неуспѣхъ ихъ *взрослыхъ* самостоятельныхъ (?) слушателей взыскиваютъ.

Мнѣ приходилось быть свидѣтелемъ жестокихъ разносовъ и объявленія выговоровъ въ приказѣ начальникамъ частей за «слабую *подготовку* (?) офицерскаго состава» или за то, что офицерскія занятія, хотя и велись безъ пропусковъ и «можетъ быть» цѣлесообразно, но не такъ, какъ это указано далекими отъ жизни части и офицеровъ составителемъ плана и программы этихъ занятій.... Трудно при этомъ овладѣть чувствомъ грусти тѣмъ болѣе, что здѣсь ужъ черезчуръ ясно *непониманіе* своего маневра, нежеланіе подумать логично о постановкѣ офицерскихъ занятій, объ офицерскомъ воспитаніи, т. е., въ сущности говоря, о фундаментѣ арміи, а слѣдовательно и государства.... Я не буду уже говорить объ юридическомъ непониманіи духа и смысла законовъ тѣми лицами,

которыя налагають взыскапія за веденіе занятій, не взирая на наличие въ этихъ занятіяхъ стремленія—исполнить все требуемое, какъ бы по долгу службу; слѣдовательно, это не преступленіе и не проступокъ, такъ какъ не имѣеть умысла, т. е. главнѣйшей и необходимѣйшей части состава преступленія или проступка. А за непониманіе того, что отъ меня требуютъ, или за *невозможность* выполнить требуемое (программы, если бы были разобраны на судѣ экспертами, иногда могли бы оказаться непримѣнимыми къ исполненію въ данной части) не наказываютъ. Я не буду говорить и о непониманіи маневра, когда громогласно, съ подтвержденіемъ въ приказѣ, объявляется о томъ, что руководители «не такъ ведутъ занятія», «не умѣютъ» ихъ вести...

Что ужъ тутъ говорить о вѣрѣ въ руководителей среди офицеровъ, когда нижніе чины видятъ, что ихъ «руководитель», ихъ ротный командиръ не смогъ, по экзамену провѣряющаго занятія начальника, построить изъ песку укрѣпленія, и послѣ читають въ приказѣ, что «чему же можетъ научить своихъ унтеръ-офицеровъ ротный командиръ, который самъ не могъ рѣшить данную ему тутъ же задачу—построить изъ песку укрѣпленіе?»...

Но стой, чувство! Уступи мѣсто логикѣ.

Логика не можетъ согласиться съ превращеніемъ офицеровъ въ школьниковъ, которыхъ нужно наказывать за неумѣніе учиться, неумѣніе учить другихъ по чужому способу, по способу, завѣщанному дѣдами: «азъ, буки, вѣди...» хоромъ, съ палкой...

Логика говоритъ, что успѣхъ занятій, особенно по самообразованію, лежитъ никакъ не въ дисциплинарныхъ взысканіяхъ, которыя могутъ отбить охоту къ нимъ (непремѣнно отобьютъ), а въ возбужденіи интереса, любви къ дѣлу, охоты къ нему. Насильно милъ не будешь и выговорами, наказаніями—не достигнуть успѣха офицерскихъ занятій. Надо подумать, сообразить, понять «маневръ свой», понять причину его неуспѣха.

Логика говоритъ, что офицеръ, разъ онъ уже выдержалъ свой офицерскій экзамень, кончилъ свое образованіе и дальше. разъ онъ любитъ свое дѣло, интересуется имъ, будетъ продолжать образованіе и развитіе, но уже не какъ школьникъ, не по чужой указкѣ, не по заданнымъ урокамъ (или, что то же самое, по такъ называемымъ программамъ), а самостоятельно, съ выборомъ—что мнѣ нужно, полезно, желательно и что есть «потеря времени—смерти безвозвратной подобная». Ибо логика говоритъ, что умственное развитіе офицеровъ не подчинено, подобно волѣ, власти начальства и воинской дисциплинѣ.

Логика отказывается понять случаи аналогичные, напримѣръ, слѣдующему: обучавшійся и подготовлявшійся къ бухгалтерской дѣятельности, выдержавшій съ величайшимъ успѣхомъ всѣ экзамены и испытанія на бухгалтера и занимающійся тоже съ успѣхомъ на практикѣ бухгалтеріей, какъ штатный бухгалтеръ, вдругъ продолжалъ бы обучаться или вѣрнѣе учить свое дѣло, отвѣчая на задаваемые по школьному уроки по бухгалтеріи и подвергаясь еще наказаніямъ за то, что не можетъ достаточно и окончательно сдѣлаться опять школьникомъ. Нельзя было бы примириться съ тѣмъ же и для врачей, учителей, воспитателей... особенно если бы ученики этихъ учителей читали про нихъ, что эти учителя «не умѣютъ руководить», «учить».

Логика понимаетъ *высшее* образованіе, но только въ видѣ академическаго, университетскаго, т. е. обязательно добровольнаго (а не во имя дисциплины, не по принужденію), во имя интереса къ изучаемому предмету или отрасли, во имя любви къ нимъ, охоты, *стремленія познать*, во имя науки. Но такое высшее образованіе уже не есть образованіе въ томъ смыслѣ и видѣ, въ какомъ мы его понимаемъ, т. е. продолженіе курса учебныхъ *предметовъ* (а не науки) среднихъ школъ; въ сущности высшаго образованія нѣтъ; есть самообразованіе, саморазвитіе по выбранной наукѣ или по спеціальному дѣлу, но только самообразованіе официальное, у официальныхъ профессоровъ, съ официальными источниками, публичное, дипломное, въ отличіе отъ самообразованія, саморазвитія частнаго, безъ официальныхъ источниковъ, профессоровъ.

И это частное или официальное самообразованіе не можетъ быть принудительнымъ, обязательнымъ.

Не логично обращать въ школьниковъ, организовать школы изъ тѣхъ, кто поставленъ самъ учить, воспитывать, командовать, водить. Имъ надо давать лишь средства къ самообразованію и саморазвитію, устраивая лекціи, сообщенія (но никоимъ образомъ не уроки, «занятія» по школьному методу), предоставляя возможность, *безъ вреда и помѣхи службѣ*, пользоваться пособіями, приборами; дѣлать опыты; пользоваться собранными и собираемыми свѣдѣніями о способахъ войны, о приемахъ, о тактикѣ въ особенности тѣхъ противниковъ, съ которыми придется имѣть дѣло... Вообще офицерскія занятія должны походить на занятія лаборантовъ въ клиникахъ, въ лабораторіяхъ; роли ихъ—въ родѣ ассистентовъ, но никакъ не школьниковъ, отвѣчающихъ на вопросы и заданныя задачи п темы....

Необходимо помнить, что не всѣ и не всегда сообщенія и лекціи заслуженныхъ и ординарныхъ профессоровъ удовлетворяютъ слушателей, не всегда для нихъ они лучше, чѣмъ печатныя руководства и пособія; вообще они не всегда полезны для слушателей и успѣшны, такъ какъ не выясняютъ вопросовъ и не даютъ новыхъ мыслей и вообще новаго.

Тѣмъ болѣе нельзя ожидать успѣха отъ принудительныхъ сообщеній, когда въ части «приказываютъ» каждому офицеру сдѣлать сообщеніе на заданную ему тему. Конечно, такія сообщенія могутъ иногда имѣть успѣхъ, но только случайно (при совпадении съ желаніемъ и, такъ сказать, съ призваніемъ къ заданной темѣ).

Вообще же сообщеніе по военнымъ вопросамъ можетъ быть разсматриваемо, какъ диссертация по научнымъ вопросамъ, потому оно не можетъ имѣть цѣнности, разъ дѣлается по заказу, принудительно, а не по влеченію къ данной темѣ.

Когда я писалъ о вредѣ принудительной системы занятій въ офицерскихъ школахъ, вредѣ школьнаго режима и программы занятій въ нихъ, мнѣ возражали, что—не всѣ офицеры занимаются самообразованіемъ, саморазвитіемъ, а потому... необходимо учить ихъ дѣлу чуть не съ палкой.

На это можно только пожелать, чтобы Господь Богъ сохранилъ русскую армію отъ того, чтобы эти сторонники «понужденія» офицеровъ къ собственному образованію стали большими начальниками, такъ какъ они и къ себѣ, и къ военному дѣлу, и къ офицерскимъ занятіямъ воспитаютъ въ офицерахъ интересъ, охоту и любовь такую, какую питаетъ, по народному выраженію, «собака къ палкѣ».

Мало, кто до сихъ поръ задумывался надъ вопросомъ—почему офицерскія занятія у большинства офицеровъ вызываютъ чувства неудовольствія? Въ то же время тѣ же офицеры съ величайшимъ интересомъ и любовью къ военному дѣлу «ревнуютъ» о военныхъ знаніяхъ, посѣщаютъ лекціи и сообщенія въ «Обществѣ ревнителѣй военныхъ знаній», рвутся ознакомиться съ усовершенствованіемъ техники на заводахъ, музеяхъ, послушать, посмотреть новое, предпринять ученыя экскурсіи, прогулки, послушать—какъ собираются воевать съ нами наши будущіе возможные враги или союзники (что особенно важно! Это именно и должно быть предметомъ сообщеній на офицерскихъ занятіяхъ, а не повѣрка знаній по учебникамъ насчетъ обязанностей своей службы).

Мало, кто задумывался—мыслимъ ли успѣхъ при отвращеніи къ офицерскимъ занятіямъ? И не нужно ли ихъ организовать подобно организаціи въ «Обществѣ ревнителей военныхъ знаній»?

Мало, кто обращаетъ вниманіе, что на занятіяхъ на планахъ и на маневрахъ мы *«протѣряемъ, экзаменуемъ подготовку начальника отряда по уставу полевой службы, а не практикуемъ въ дѣйствіяхъ противъ возможныхъ противниковъ»*. Не приучаемся къ ихъ боевымъ порядкамъ, формамъ, способу дѣйствій... Но какъ же мы будемъ парировать ихъ удары и дѣлать контръ-удары, когда обучаемся *только отвѣчать* на свои удары и дѣйствовать только противъ своихъ?... Вообще готовимся, изучаемъ только «русскую» борьбу, ея приемы.

Затѣмъ, какъ можетъ каждый воинъ «понимать» свой маневръ, когда ихъ офицеры, ихъ начальники и обсуждаютъ, и разбираютъ (буквально) маневры отдѣльно отъ воиновъ въ нижнихъ званіяхъ?... Развѣ и на войнѣ они будутъ заниматься отдѣльно? А Суворовъ даже стратегическія тонкости старался дать «понять» всѣмъ воинамъ въ своеобразной, но понятной формѣ съ рисунками и образами, понятными имъ....

Проста, очень проста «наука побѣждать» Суворова (да и Наполеона тоже проста) и оправдала себя на дѣлѣ; однако, не по силамъ она для нашего пониманія. Суворовъ училъ «понимать свой маневръ», свои дѣйствія, свою природу и ея законы, т. е. обстановку, указывая на аналогичные примѣры изъ жизни природы и человѣка. Онъ училъ, значить, понимать и примѣняться, исполнять законы Бога для человѣка и природы. Мы же начинаемъ предписывать свои законы природѣ человѣческой. Такъ, мы установили принципъ старшинства не только въ отношеніи чиновпроизводства, наградъ, служебной карьеры, но даже въ отношеніи нравственныхъ качествъ и умственного развитія. Такъ, мы хотимъ заставить всякаго младшаго подчинить старшему не только свою волю, что разумно, необходимо и законно, но и свое умственное развитіе, свою совѣсть, свое чувство долга, что совершенно противоестественно.... Мы не хотимъ признать закона природы, что ученаго учить — только портить и приказываемъ, чтобы старшій былъ непременно авторитетнѣе своего подчиненнаго даже не по своей специальности.... И офицерскія занятія, т. е. руководство, учительство (что нельзя еще считать спеціальностью офицера), воспитаніе (??) офицеровъ мы возлагаемъ на старшихъ, не считаясь ни со способностями, ни съ призваніемъ къ руководству такими

занятіями, ни съ ихъ спеціальностью и прямымъ назначеніемъ— умѣть не школьно руководить занятіями, а приказывать, командовать и вести свои войска въ бой, драться.

На офицерскихъ занятіяхъ никогда не практикуются рассказы участниковъ войны объ ихъ дѣйствіяхъ, никогда не прочтутъ новѣйшія мысли по тактикѣ профессоровъ, нерѣдко нынѣ печатаемая и въ періодической печати и въ отдѣльныхъ изданіяхъ, а строго официально бросаютъ «отряды нашъ и непріятельскій» откуда-то съ неба, заставляютъ ихъ «ночевать» другъ противъ друга, съ неба же получаютъ донесенія и извѣстія другъ о другѣ, раздаются роли и начинается повѣрка знаній и занятій...

Каково офицеру, любящему свое дѣло, интересующемуся его эволюціей, читающему все достойное вниманія, изучившему старыхъ и новыхъ авторитетовъ и усвоившему себѣ, быть можетъ, на основаніи ихъ «науку побѣждать», вдругъ, во имя дисциплины, отказаться отъ плодовъ работы своего ума, *поучаться* отъ «старшихъ руководителей», иногда еще получать выговоры и замѣчанія за высказываніе своихъ мнѣній вопреки мнѣнію старшаго и, еще лучше, замѣчаніе или выговоръ за отступленіе отъ принятаго порядка рѣшенія тактическихъ задачъ...

То, что я здѣсь высказалъ, хотя, можетъ быть, и ново въ смыслѣ прямой откровенности, но никому не ново въ смыслѣ нецѣлесообразности веденія офицерскихъ занятій. Въ особенности по мѣрѣ удаленія отъ нашего центра умственнаго развитія—Петербурга. Чѣмъ дальше, тѣмъ эти занятія ненормальнѣе. Особенно прогрессируетъ эта ненормальность занятій при усердіи поднять уровень знаній офицеровъ до уровня Петербурга и даже до уровня Военной академіи... Изъ-за излишка усердія забываютъ, что и въ Петербургѣ, и въ инструкціи, и по природѣ своей, офицеръ—взрослый человѣкъ, командиръ, вождь, и заставляютъ его влѣзть въ футляръ школьника. Вопреки природѣ проповѣдуютъ о томъ, что офицеръ долженъ работать «ночью», всѣ 24 часа, въ праздничные дни, забывая хотя бы то, что, проработавъ ночью, человѣкъ становится негоднымъ, даже вреднымъ для дальнѣйшей работы... Не могутъ передѣлать человѣческую природу и тѣмъ не менѣе страшно разносятъ тѣхъ, кто заявитъ, что вѣдь его офицеръ нуждается въ отдыхѣ: «вы развращаете своихъ офицеровъ»...

Да, непониманіе своего маневра, своихъ дѣйствій, своихъ требованій, непониманіе того, что надо судить по результатамъ, а не по способамъ, приемамъ исполненія, обученія—причина причинъ всякихъ ненормальностей нашей военной жизни и быта.

Не только полководцу, но и воину, тѣмъ болѣе командиру, офицеру, нужна не одна сила воли, но и сила разума (пониманія). Квадратъ разума и воли долженъ равняться единицѣ, сказалъ Наполеонъ... Право же необходимо понимать и свои требованія и свои дѣйствія. До тѣхъ поръ офицерскія занятія—потеря времени смерти безвозвратной подобная.

А. Дмитревскій.

